

Хронотопы и хронотопические ценности в прозе народов Севера

Ю. Г. Хазанкович

(Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН)*

Впервые на материале прозы коренных малочисленных народов Севера России выявляются и анализируются типологически устойчивые культурно-художественные хронотопы. Изучение жанровых особенностей северной прозы (в частности социально-исторических повестей и романов) позволило нам выявить типологически устойчивые хронотопы в северной прозе, которые представлены устойчивыми мотивами, образами, сюжетами. На основе системно-типологического анализа были выявлены хронотопы (хронотоп пути, хронотоп кочевья, промыслово-охотничий хронотоп, хронотоп мужчины и женщины, хронотоп пожилого человека). Изучение художественных хронотопов позволяет выявить качественно новые аксиологемы, эстетические и содержательные аспекты не только конкретных художественных произведений, национальной литературы, но и культуры в целом.

Ключевые слова: народы Севера, хронотопы, северная проза, национальная литература.

System chronotopes in art practice of northern writers

J. G. Hazankovich

(Institute of problems of small people of the North of Russia of Siberian Department of Russian academy of Sciences)

Abstract: for the first time typologically steady cultural and art chronotopes are determined and analyzed on a material of prose of radical small peoples of the North of Russia. The studying of genre features of northern prose (in particular socio-historical stories and novels) has allowed us to reveal typologically steady chronotopes in northern prose that are submitted by steady motives, images and plots. The system and typological analysis has allowed us to reveal the cultural chronotopes (chronotope of the way, chronotope of nomad encampment, hunting chronotope, chronotope of men and women, chronotope of an elderly person. Generally all this has defined the specific contents of art chronotopes of the northern prose and the hierarchy of moral values of ethnos. We consider the studying of art chronotopes to allow revealing qualitatively new axiologemes, aesthetic and substantial aspects not only of concrete works of art and the national literature, but also of the culture as a whole.

Keywords: small peoples of the North of Russia, chronotopes, northern prose, national literature.

Термин «хронотоп» вошел в научный обиход вместе с культурно-эстетической концепцией М. М. Бахтина для обозначения синтезированной смысловой парадигмы время-пространство. М. Бахтин писал: «Все временно пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены. Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. И каждый мотив, каждый видимый момент художественного произведения является такой ценностью». Концептуальное обоснование понятие «хронотоп» получило в работе М. Бахтина «Формы времени и хро-

нотопа в романе». Он считал, что ведущим хронотопом в литературе является время, оно «сгущается и уплотняется. Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин, 2000:177). Исходя из концепции М. Бахтина, художественный текст — это явление культуры. Именно в художественном произведении заложена «матрица» культуры, ее пространственно-временная модель — хронотоп, потому он и является «воротами в художественный смысл» произведений.

Для нашего исследования это положение принципиально важно. Литературы малочисленных народов Севера в целом слабо изуче-

* Хазанкович Юлия Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). Эл. адрес: robbeck@Yakutsk.rosnps.msk.su

Работа выполняется в рамках проекта, поддержанного грантом Президента РФ (МК-3333.2007.6).

ны. Исключением можно считать исследование А. В. Пошатаевой «Литературы народов Севера» (1988). Наша работа — первый опыт изучения северной прозы в «хронотопическом» аспекте. Исследование жанровых особенностей северной прозы позволило выявить типологически устойчивые хронотопы, представленные устойчивыми мотивами и образами.

Отметим, что проза коренных народов Севера — манси, ханты, юкагиров, нивхов, чукчей, нанайцев — уникальна в своей «хронотопичности» и кардинально отличается от русской литературы (там же, 2000: 300). Системный подход позволил выявить особенности содержания и функционирования художественных хронотопов в северной прозе, которые кардинально отличаются от русской литературы (Санги, 1984: 178).

Оригинальность художественных хронотопов в национальных литературах заключается в том, что категории времени-пространства имеют у северян спаянность с Природой. У современного охотника есть часы, но ему привычнее определять время по солнцу и звездам, длину пути — по другим экзотичным меркам: «медвежья берлога находится на расстоянии двух выкуренных трубок». Проблему времени в русской философии традиционно связывают с проблемой человеческой свободы и необходимости.

В классической русской литературе (Ф. Достоевский, Б. Пастернак, М. Шолохов) человек включает в себя «сферу свободы и необходимости», проявляя себя в своих чувствах и действиях. У северян понятия «свободы» и «необходимости» имеют качественно иное наполнение. «Свобода» у северян не связана со «свободой выбора». У язычника свобода не может быть противопоставлена воле духов — хозяев местности. Она максимально сопряжена с необходимостью принесения жертвы духу местности, чтобы умиловить неподвластную человеку природную стихию. Стремление физически сохранить жизнь является основополагающей ценностью мифологического пантеона северных аборигенов. В русской культуре временной фактор пре-

обладает, у северных народов доминирует пространство.

Культура народов Севера — это культура Пространства. По мнению Г. Гачева, «понятие пространства превалирует над понятием времени» в мировоззрении кочевых народов (Гачев, 1988: 83). Распространенным пространственным образом в прозе северян является дорога.

В мировой литературе дорога — это «носитель хронотопических ценностей» (Лотман, 1975: 290). В дороге завязываются События, время «вливается в пространство и течет по нему». Дорога интенсифицирована течением исторического времени. Хронотоп дороги в литературах народов Севера имеет качественно иное семантическое наполнение. Путь, в отличие от классической направленной «дороги», обладает своим хронотопом. В северной прозе мы можем говорить именно о хронотопе пути.

Кочевье «не знает дорог, но знает пути — это внутренне чуемая нить пространства» (там же: 87). Надо отметить, что хронотоп пути у писателей Севера отличается от хронотопа пути, встречающегося в северном фольклоре. В фольклоре он близок к хронотопу передвижения, хронотопу расстояния, где превалирует временной фактор (расстояние между объектами определяется через время в пути), тогда как в северной прозе хронотоп пути носит больше мировоззренческий характер.

Пространство в прозе народов Севера — это мир иных измерений, где сказка сплетена с реальностью. «Тайга... День идешь — конца не видно, год идешь — конца не видно» (Шесталов, 1985: 339). Хронотоп дороги в русской литературе ситуативно конкретен. Он носит социальный характер.

Классический вариант хронотопа дороги — поэма Гоголя «Мертвые души». В прозе же северян сюжетно интенсифицируется иной образ дороги — «путь кочевника»: с пути-дороги начинается повествование мансийский прозаик Ю. Шесталов («Синий ветер каслания», «Тайна Сорни-Най», «Когда качало меня солнце») и заканчивает нивхский рома-

нист В. Санги («Ложный гон», «Женитьба Кевонгов»). Хронотоп пути в прозе Севера включает в себя хронотоп кочевья. Это хронотоп, где пространственный фактор также преобладает, в его основе — передвижение. Кочевье само по себе связано с космическим циклом смены времен года, ему подчиняется жизнь тундровиков.

Очевидна его принадлежность к «профанному времени» — кочуют роды из года в год, из поколения в поколение. Кочевье — это дорога целого рода. В кочевом пространстве человек-язычник становится «духовно» оседлым (Д. С. Лихачев), что дает возможность более уверенно тундровику чувствовать себя в окружающем мире.

Жизнь кочевников кругообразна, циклична и не мыслима вне круга, ибо велика сила природного притяжения. Кочевая дорога не интенсифицирована течением исторического времени, на ней нет его следов и знаков. Историю кочевья «надо смотреть, и ее надо слушать» (Шесталов, 1985: 343).

Следует выделить хронотоп дома. В мировой литературе хронотоп дома ценностно связан с понятием открытости-закрытости пространства. В русской литературе хронотоп дома связывался с так называемым биографическим временем (Линецкий, 1994: 100), протекающим «во внутренних пространствах салонов, комнат, домов, усадеб».

Образ дома в романах писателей-северян традиционно «топохроничен» (в отличие от хронотопа. — Ю. Х.) и менее связан с «закрытым» пространством. Домом становится вся тундра — кочевье. «Вчера тетя Сана с мужем приехала из стада в деревню. С недельку они поживут в своем доме. Будут собираться в большое кочевье» (Шесталов, 1985: 340).

Природно-бытовое время образует в северных текстах промыслово-охотничий хронотоп. «Вот солнце тронулось с самого короткого дня и месяца через два мужчины заканчивают сезон охоты на соболя и открывают сезон охоты на морского зверя» (Санги, 1984: 211).

Ценность времени у северян ощутима в рамках промысла, что является отголоском

мифологической эпохи. «Пришло время промысла» — и этим сказано все. Охота — это жизненная суть северного бытия. Описанная в произведениях Л. Толстого и И. Тургенева, охота в русских усадьбах — забава для участников. Для северянина смысл охоты — добыча. Поэтому понятие «охотничья удача» сопряжено с понятием физического выживания человека на Севере. Охотничья удача улыбается тем, кто выполняет охотничьи магические ритуалы.

Со временем у северян сформировалось поклонение духам Природы, при этом культовая обрядность носила гендерный оттенок. Фольклор северян сохранил женские и мужские песни, пословицы, ритуалы. Это было связано с тем, что жизненный цикл человеческой жизни проходил под кураторством «космических материй», куда входили женские и мужские божества Неба и Земли, Солнца и Луны, что отражало социальную организацию внутри сообщества (Жукова, 1996: 45).

Разделение «мужское-женское» соотнесено с понятиями «добра-зла. Мифологическая универсалия «мужское-женское» характерна для многих палеоазиатских народов. Ее можно соотнести с китайскими символами-образами ИНЬ (жен.) и ЯН (муж.).

Патриархат и матриархат наложили отпечаток на положение полов в архаическом обществе, в котором уживается культ женщины-матери, продолжательницы рода и отношение к ней как «нечистому» существу. Этика поведения мужчин и женщин у северных народов имела гендерную специфику, что позволяет говорить об особом хронотопе женщины и хронотопе мужчины.

Названные хронотопы имеют функциональное отличие друг от друга: мужчина — охотник, добытчик, тогда как женщина — продолжательница рода, хранительница очага. Образы женщин — Талгук и Ланьгук (в романе нивха В. Санги «Женитьба Кевонгов»), Пыльмау (в романе чукчи Ю. Рытхэу «Сон в начале тумана»), Тачана (в романе юкагира С. Курилова «Ханидо и Халерха») — живут настоящим, реализуя себя как женщины-мате-

ри и жены. Строгость, молчаливость, кроткость и сдержанность определяют психотипический образ северянки. Жизнь женщины ограничена во времени: время жены и матери проходит быстро. «Сорок затяжных, бурных голодных зим-близнецов, сорок горячих от работы лет-близнецов, да десятка мучительных родов и к женщине обращаются «мамхатъ-старуха» (Санги, 1984: 240).

Хронотоп женщины носит больше временной оттенок, тогда как хронотоп мужчины раскрывается через описание промысловой жизни. Рождение мальчика важно: он продолжатель рода и добытчик. Женщина, давшая ему жизнь, пользовалась особым уважением. Сохранение и продолжение рода, «охотничья удача», мужество — вот лишь некоторые составляющие хронотопических ценностей патриархального северного сообщества. Вечная борьба с силами стихий, представителями других родов за выживание своего рода определяет жизнь мужчины-добытчика, и она же определяет сюжетную наполненность северных повествований.

«Знание прошлого» трансформировалось в «сокровенный опыт», которым владеют старики. Функциональная значимость характеров стариков в прозе народов Севера позволяет нам говорить о «хронотопе пожилого человека». Старик Касказик («Женитьба Кевонгов»), Боас Заксор (в «Амуре широком» нанайца Г. Ходжера), Орво (в романе чукчи Ю. Рыхтэу «Сон в начале тумана») не рефлексируют, а просто живут хронотопическими ценностями своего народа. «...В лесу Илья-Аки всегда смолкал, становился сосредоточенным. И шел так, что почти не слышно было его шагов. И говорил он почти шепотом, таинственно объясняя внуку, где какой дух может обитать, кому оказать свое человеческое

почтение. Часто на дереве он вырезал... лицо лесного божка. Если человек рубит изображение зверя на дереве и думает о себе, удаче в охоте все равно ему не будет» (Шесталов, 1985: 206).

Текстовые наблюдения позволяют сделать вывод, что каждый художественный хронотоп в прозе народов Севера образован несколькими пространственно-временными, ценностными координатами мировоззренческого характера. Это качественно отличает его от хронотопов в русской прозе.

Анализ хронотопов в прозе малочисленных народов Севера свидетельствует, что мифология составляет базис художественного мышления северных прозаиков, являясь фактом их мировоззрения. Последнее определяет в целом своеобразие содержания художественных хронотопов северной прозы, дальнейшее изучение которых позволит выявить качественно новые культурные и образные аксиологемы, эстетические аспекты конкретных художественных произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. (2000) *Формы времени хронотопа в романе // Бахтин, М. Эпос и роман*. СПб.: Азбука.
- Гачев, Г. (1988) *Национальные образы мира*. М.
- Жукова, Л. (1996) *Языческий пантеон якути*. Якутск.
- Линецкий, В. (1994) *Бахтин, или лучшая книга о Набокове*. СПб.
- Лотман, Ю. (1975) *Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман, Ю. В школе поэтического мастерства*. Л.
- Санги, В. (1984) *Женитьба Кевингов*. М.
- Шесталов, Ю. (1985) *Синий ветер касла*. М.